

Элизабет Бишоп «Сестина»

В руках бабушки старенький альманах,
Свет от чугунной печи освещает слёзы в глазах,
Но она громко шутит, смеется и говорит.
За окном сентябрьский дождь рекой шелестит.

Железный чайник громко свистит на плите,
Острый нож оставляет новый надрез на ломте,
И она говорит ребенку, что сейчас самое время для чая,
Что-то пророческое в старом выпуске подмечая.

Она убирает подальше остроумное чтиво,
А ребенок думает: «Как красиво»,
Наблюдая за крошечными слезами чайника, что танцуют на чугуне.
Дождь снаружи, должно быть, вальсирует наравне.

Тоненькое издание расправляет пёстрые крылья-страницы,
Кружит под потолком изящнее перелетной птицы,
Облетая полную слёз кружку чая;
Старая бабушка ёжится, новых дров в печь добавляя.

Чугунная печка с ней соглашается,
А альманах признается, что знает не больше того, что в нём есть.
Ребенок с гордостью показывает бабушке новый рисунок, не боясь надоесть:
На нем приземистый дом и извилистая дорога,
Человек с пуговицами-слезами, словно с холста Ван Гога.

В цветнике перед домом ребенка теряются миниатюрные луны,
Срываясь с темного небосклона, покидая созвездия-руны,
Стекают слезами между страниц альманаха,
Пока старая бабушка увлечена печью, не замечая размаха.

«Время безостановочно плакать» - шелестят страницы,
Бабушка поет для чугунной печи колыбельные-небылицы,
А ребенок рисует новый, непостижимый сознанию дом,
И только ему одному известно, что теперь будет в том.